

МЕМОУАРЫ | О корифеях российской словесности

Два столетних великана

 НИКОЛАЙ ВОРОНОВ,
 член Союза писателей России

В этом году исполнилось сто лет двум выдающимся писателям, о которых мне хотелось бы поведать. Не в равной мере основательно я знал их: Сергея Владимировича Михалкова и Александра Яковлевича Яшина.

Безотказное деяние

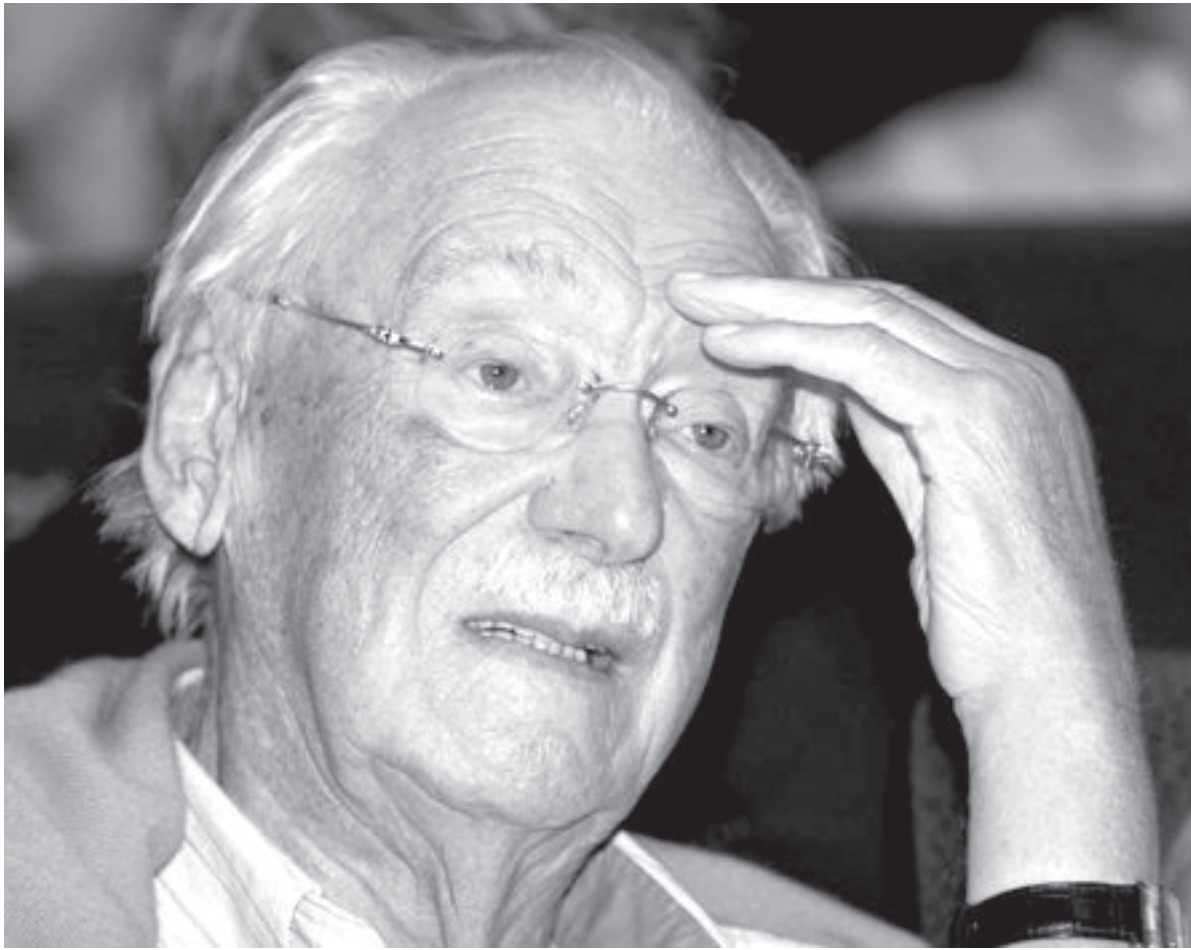
Сергей Михалков был председателем Союза писателей РСФСР, когда я возглавлял областную писательскую организацию Калужской области, созданную мною в 1963 году. Легендарность его руководства отличалась общеизвестностью. Из уст в уста передавался его руководящий принцип: «Не отказывать!»

Ко мне обратилась поэтесса Надежда Григорьева из Обнинска. У нее договор на сборник стихов с издательством «Советский писатель». Есть договор и в печатном плане издательства. Надежда Григорьева попросила ей помочь. Я поехал на секретариат СП РСФСР, который проводил Сергей Михалков, и там я высказал жалобу Надежды Григорьевой: ее сборник ежегодно остается в плане, но не печатается.

Мигом Сергей Владимирович поднял телефонную трубку и позвонил председателю «Советского писателя» — Лесючевскому Николаю Васильевичу. Михалков передал ему мою просьбу. Он не просил, а требовал у Лесючевского — издать Надежду Григорьеву. И вскоре сборник напечатали в «Советском писателе». Это издательство не входило в подчинение Михалкова. Но если он просил за кого-то, а тем более высказывал требование, его деяние оказывалось безотказным. Таково всемогущество личности — громадной творчески и державно!

...Я получил письмо от писателя Дмитрия Балашова из Петрозаводска.

Он писал исторические романы, был широко известен. Я ездил в Карелию для устройства в санаторий «Марциальные воды» своей первой жены Татьяны. Помогал мне в этом руководитель писателей Карелии Петр Борисков. Он же познакомил меня с Дмитрием Балашовым. Вместе с Петром мы побывали в гостях у Балашова, который прекрасно готовил. Во время встречи Дмитрий Балашов показал мне рукописный том своей краеведческой работы «Свадьба на реке Кокшеньге». Показал не без намерения — передать ее главному редактору издательства «Современник» Валентину Васильевичу Сорокину. Я взял эту

фольклорную громадину и со своей рецензией передал Валентину Сорокину.

Фольклорный труд

Я думал, что письмо Дмитрия Балашова касается судьбы «Свадьбы на реке Кокшеньге», но ошибся. Дмитрий попал в КПЗ (камеру предварительного заключения). По объявленной следствием статье ему грозило от восьми до одиннадцати лет лишения свободы. Мое отношение к необычайному фольклорному труду, наверно, расположило Балашова к тому, что я смогу спасти его от несправедливого судебного процесса и приговора, потому он и просил меня приехать в Петрозаводск. Я решил туда ехать, зная о неприязненном отношении к Дмитрию Балашову карельского правительства. Вместе с тем я понимал, что нуждаюсь в официальной поддержке Союза писателей РСФСР и, прежде всего, Сергея Михалкова.

В просторном своем кабинете на Софийской набережной Михалков был вместе со своим заместителем Юрием Васильевичем Бондаревым. Я показал им письмо, прочитал место опасной угрозы, известил их, что у Балашова девять детей от жен и любовниц. И что всех их он содержит на собственные гонорары. Обращаясь к Бондареву, Михалков сказал, что вот-де, Юрий Васильевич, мы плачемся с тобой о плохо рожавшей России, а у нас имеется писатель, достойный звания героического отца, и что нам нельзя оставить без кормильца такое огромное число детишек.

На столе Михалкова (должность у него министерская) стоял правительственный телефон с отпечатанным советским гербом. Михалков снял трубку и позвонил первому секретарю Карельского обкома партии. Кратко он изложил тревогу о надвигающейся на высокоталантливый писателя судебной опас-

ности и, конечно же, на его детей. Он объявил властелину Карелии, что в заботе о Дмитрии Балашове и его семействе посылает со своим заместителем Юрием Бондаревым — организационным секретарем Калужской писательской организации — Воронова Николая Павловича в командировку. Будучи в этой северной республике, я узнал, как тамошние мудрецы характеризуют Карелию: население у нас, в основном, составляют русские, правительство — карелы, а партией правят финны. Я не скрыл от Михалкова и Бондарева, что правящим кругам Карелии неугоден знаменитостью на всю страну писатель Дмитрий Балашов, и что он вошел в противоречие с заместителем председателя Совета министров Карелии, да не простое, а с нокаутом этому значительному чиновнику.

Правительственный список

Дмитрию Балашову, занимавшемуся у себя в республике охраной памятников культуры и архитектуры, удалось заполучить правительственный список на уничтожение большого ряда деревянных церквей и часовен. Эти церкви и часовни являлись памятниками русского и карельского зодчества. Балашов пришел к заместителю председателя карельского правительства и спросил, на каком основании они собираются их уничтожить. Тот возразил: это, мол, слухи. Тогда Балашов вынул из папки список и показал зампреду. Зампред протянул руку к списку, а Балашов отдернул его. А когда зампред попытался вырвать список, врезал ему в челюсть. Зампред упал, пополз и нажал кнопку в столе. Прибежал охранник, но зампред опомнился и, чтобы не получилось скандала, выдворил охранника. С того момента начала проявляться враждебность карельского правительства (карелов) к выдающемуся писателю и отцу.

Михалков, сознавая политику советских верхов по отношению к республиканским (заигрывание, невмешательство, демократизация руководства), не отступал от крутого заступничества, даже велел партийному властелину обеспечить меня гостиницей и в исключительных случаях — покровительствовать. А перво-наперво склонил секретаря обеспечить мою независимую встречу с Дмитрием Балашовым. Секретарь не решился кобыниться: Балашов ждал меня на лавочке у гостиницы. Что он мне рассказал по делу? Арест ему инкриминируют по статье «покушение на убийство». Как обвинение дошло до этого? Дмитрий Балашов был в столице СССР по важным издательским делам. Накануне поездки он перевез с побережья Ладоги, на остров, молодую жену с четырьмя сыновьями. Вернулся, никого не застав дома. Дом он перевез по воде раньше семьи, сам собирал, сам наводил в нем порядок с помощью топора. Не застав дома никого, он сел на топчан сделать какие-то записи и внезапно услышал крик жены. Схватил лежащий на топчане топор. Кричала жена с огорода. На огороде Балашов увидел, что с лопатой прет на его жену карел-сосед, недавно выпущенный из лагеря для заключенных. Жена оборонялась от карела вилами. Дмитрий забежал к нагледу сбоку и ударил обухом топора по его голове. На голове была шапка, толстая от ваты. Дети видели происходившее со стороны. От жены и старшего сына, лет десяти, он узнал, что карел намеревался отвести его маму к себе в дом, она отказывалась, и тогда он попер на нее с лопатой. Ночью несостоявшийся насильник сплавил в милицию на берегу Ладоги и подал туда заявление.

Звонок генпрокурору

Милиция оставила у себя в качестве вещественного доказательства шапку,

а его самого со ссадиной в черепке положили в больницу. Утром начальник милиции доложил партийному секретарю района о случившемся, и тот велел арестовать писателя и отвезти в Петрозаводск, где он был водворен в камеру предварительного заключения. Секретарь райкома, тоже карел, знал о схватке зампреда с Балашовым и попытался обеспечить себе благоволение центра, настроенного определенным образом. После встречи с Дмитрием Балашовым, вернувшимся в КГБ, я нанес визит первому секретарю обкома. Серый пожилой человек, который принимал меня, обнаруживал нарочитую сонливость: закрывал глаза, будто бы его смаривает. От себя властелин направил меня к генеральному прокурору республики. Среди доказательств, на которые опирался генеральный прокурор, фигурировала шапка. Мне стало ясно: если я не увижу шапку и не сфотографирую ее, Балашова засудят. В милиции шапки не оказалось. Ее отдали в больницу покушавшемуся на насилие карелу. Версия, будто бы Балашов пытался зарубить соседа топором, обнаруживала свою несостоятельность. Материя шапки была бы прорублена — угоди в нее остро заточенный топор. Но на шапке даже не осталось следа от обуха, а легкая ссадина на коже черепушки тоже не могла служить доказательством на убийство. Я сфотографировал шапку и голову карела. В городской «Фотографии» мне быстро проявили и высушили снимки. Пленку я не захотел оставить там. Перед возвращением в Петрозаводск я съездил на остров. Жена и дети Балашова белой кожей своей и светловолосостью производили приятное впечатление. Они ожидали отца. Сидели они без денег.

В Петрозаводске я побывал у генерального прокурора, познакомил его со снимками, добился, чтоб он приказал выпустить Дмитрия Балашова. Документа, который бы оправдывал писателя, я не смог у него получить. Увы, он и не заверил меня, что дело Дмитрия Балашова будет закрыто.

Перед отъездом из Карелии я позвонил Михалкову. Выслушав мое объяснение, он велел возвращаться. В пору встречи у него на Софийке я узнал, что Михалков звонил и первому секретарю, и генеральному прокурору. Председатель СП РСФСР понял, что без воздействия из Центрального Комитета КПСС не достичь быстрого решения. Сергей Владимирович рекомендовал мне обратиться туда к Геннадию Михайловичу Гусеву. Отзывчивость Гусева спасительна, хотя он покамест инструктор. Я обратился к Геннадию Гусеву, и скоро он сообщил мне, что дело Дмитрия Балашова закрыто.

Вот так — под нескрываемым и тайным содействием Сергея Владимировича Михалкова — был спасен от мстительной расправы замечательный писатель Дмитрий Балашов.

Воспоминания об Александре Яковлевиче Яшине — в следующем субботнем номере ☺

➤ В литературе, как и во всем, талант — это символ ответственности. Шарль де Голль